

**ГЕРМАН
СМИРНОВ**

**«ДЕЛО ВОЕННЫХ»
1937 ГОДА**

**ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ
ТУХАЧЕВСКОГО**

Великая чистка 1937 года

Герман Смирнов

**«Дело военных» 1937 года. За
что расстреляли Тухачевского**

«Алисторус»

2007

УДК 94(47+57)"1937"
ББК 63.3(2)62

Смирнов Г. В.

«Дело военных» 1937 года. За что расстреляли Тухачевского /
Г. В. Смирнов — «Алисторус», 2007 — (Великая чистка 1937
года)

ISBN 978-5-906842-88-6

Маршал М.Н. Тухачевский, расстрелянный по обвинению в государственной измене в 1937 году, был реабилитирован Хрущевым в 1957 году как «ложно обвиненный» — что добавило путаницы в вопросе о чистке руководящего состава Красной Армии накануне войны. Материалы архивов, собранные Германом Смирновым, проясняют, на основании чего было заведено «дело военных», существовал ли в действительности заговор Тухачевского? Ценность данной книги состоит в том, что она не только предоставляет обширную информацию по «делу военных», но читатель сам может участвовать в историческом расследовании, чтобы составить собственное мнение о заговоре в армии 1937 года.

УДК 94(47+57)"1937"

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-906842-88-6

© Смирнов Г. В., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

Лукавая реабилитация	6
Борис Виктор	8
Заговор против Тухачевского	17
Тайные нити зловещей интриги	19
Сфабрикованное досье	21
Второй акт драмы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Герман Смирнов
«Дело военных» 1937 года. За
что расстреляли Тухачевского

© Смирнов Г. В., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

* * *

Лукавая реабилитация

Запретное в 1940-е годы имя маршала Михаила Николаевича Тухачевского, расстрелянного в 1937 г. по обвинению в государственной измене, стало усиленно превозноситься средствами массовой информации с октября 1961 г., после того как на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев впервые обнародовал версию гибели полководца, получившую тогда широкое хождение за границей. Согласно этой версии, Тухачевский и его сподвижники – И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна и Я. Б. Гамарник – не были изменниками родины, врагами народа и германскими шпионами, как утверждали их обвинители, а пали жертвами гитлеровских спецслужб, сфабриковавших фальшивые документы о существовании «заговора военных» в РККА и подбросивших их И. В. Сталину через чехословацкого президента Э. Бенеша...

Это заявление Хрущева, можно сказать, распахнуло шлюзы гласности в отношении некогда репрессированных военачальников, и в какие-нибудь пять-шесть лет пресса, радио и телевидение в нашей стране создали настоящий культ личности Тухачевского и его подельников.

Тайный смысл этой пропагандистской компании, ведшейся под благородным лозунгом восстановления исторической истины и поправленной справедливости, долгое время оставался скрытым от непосвященных. И лишь с наступлением горбачевской перестройки стало ясно: в начале 1960-х годов Хрущев начал долговременную акцию по искажению истории Великой Отечественной войны. Велась она осторожно, исподволь, не путем открытых нападок, а путем смещения оценок и акцентов, путем непомерного захваливания одних и намеренного замалчивания других. И в этой компании репрессированным в 1937 г. военачальникам отводилось немаловажное место...

В 1969 г., когда вышло в свет первое издание «Воспоминаний и размышлений» маршала Г. К. Жукова, в СССР было издано около десятка биографий Тухачевского, Уборевича, Якира и Гамарника общим тиражом около полутора миллиона экземпляров. А о Жукове, Рокоссовском, Василевском, Коневе и других великих полководцах, выигравших величайшую в истории войну, не было тогда издано ни одной – ни одной! – книги. Больше того, Л. Никулин (Ольконицкий) в своей книге «Тухачевский» уже бросил провокационную мысль о том, что репрессированные военачальники могли бы выиграть эту войну быстрее и с меньшими потерями...

И хотя в 70–80-х годах наряду с книгами о репрессированных красных генералах стали появляться и труды о полководцах Великой Отечественной войны, в общественном сознании репрессированные краскомы, никогда не воевавшие с серьезным противником, уже затмевали действительно выдающихся полководцев, совладавших с врагом невиданной дотоле силы!

Пораженный этим открывшимся мне результатом лукавой хрущевской реабилитации, я начал критически перечитывать панегирические статьи и книги о Тухачевском и с изумлением обнаружил в них массу голословных восхвалений, явных нелепостей, подозрительных умолчаний и искаженных сведений.

Но когда мы с майором Д. Зениным написали статью «Тухачевский: легенды и реальность», в которой указывали на все эти нелепости, многие редакции с негодованием отвергли ее, расценив как попытку бросить тень на память достойного человека. Благодаря решительности главного редактора «Литературной России», ныне покойного Э. Сафонова, статья эта увидела свет в 1990 г. и вызвала шквал возмущенных писем. Их анализ показал: хотя выдумки перестроечных публицистов получили широкое хождение в читательской массе, серьезного обоснования они не имеют и опровергаются без труда.

После публикации статьи «Споры о Тухачевском» («ЛР» № 3, 1991), в которой я честно и подробно ответил на все читательские письма-возражения, фигура Тухачевского в средствах массовой информации как бы отошла в тень. Перестроечная демократическая печать пере-

стала петь ему дифирамбы, так как именно в это время начали публиковаться разоблачительные материалы о неумелых и даже провокационных действиях Тухачевского в польской кампании 1920 г., а также о его зверствах над русскими людьми при подавлении Кронштадтского и Антоновского мятежей. Наконец, в «Военно-историческом журнале» впервые были опубликованы собственноручные показания на допросах самого Тухачевского, где он изложил разработанный заговорщиками план поражения СССР в войне с Германией с такими подробностями, придумать которые было не под силу никакому следователю...

Поскольку все эти материалы рассеяны в сравнительно малодоступных периодических изданиях, у меня возникла мысль собрать их в один сборник, предлагаемый ныне вниманию читателей. Тем из них, кому эта книга покажется односторонней и вызовет раздражение или даже отторжение, рекомендую для чтения панегирические биографии репрессированных военачальников, список которых приведен на последней странице этого сборника.

Герман Смирнов

Борис Виктор

Как мы реабилитировали «заговорщиков»

Записки военного прокурора

Новый 1955 год я встретил в самолете на пути из Новосибирска в Москву. Конечно, беспокоил вопрос: зачем меня, прокурора Западно-Сибирского военного округа, вызвал Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко? Роман Андреевич раскрыл лежавшую на столе папку, я увидел свое личное дело. Он сказал:

– Вы назначаетесь на должность заместителя главного военного прокурора. Надо неотложно сформировать специальную группу военных прокуроров и следователей из тех, кто не имел в прошлом отношения к спецподсудности. Группа должна заняться рассмотрением жалоб и писем по поводу реабилитации необоснованно осужденных, и прежде всего делом о «военно-фашистском заговоре».

* * *

Итак, специальная группа военных прокуроров и следователей Главной военной прокуратуры (ГВП), предназначенная для пересмотра дел по «вновь открывшимся обстоятельствам»... Кто же в нее вошел? Николай Григорьевич Савинич, перед войной окончил Минский юридический институт, участвовал в войне с белофиннами, в Великой Отечественной... Николай Лаврентьевич Кожура, выпускник Военно-юридической академии, положительно зарекомендовал себя на практической работе в должности военного следователя... Их непосредственный начальник – Дмитрий Павлович Терехов, имевший опыт работы не только в органах военной юстиции, но и в центральном партийном аппарате.

Перед нами на столе – уголовное дело по обвинению М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова и В. К. Путны в преступлениях, предусмотренных статьями 58^{1б}, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Все это – особо опасные государственные преступления: измена Родине, шпионаж, террор, создание контрреволюционной организации. Уже по одному перечислению статей Уголовного кодекса можно было судить о тяжести преступлений поименованных на обложке лиц.

Первые страницы дела... Справки на арест: «Органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности...» О самой деятельности ничего конкретного... А где санкции прокурора на арест? Нет санкций... Не может быть! Ищем. Убеждаемся, нет! Как же это возможно?... Ведь всего полгода прошло, как была принята новая Конституция!

Продолжаем размышлять: кто же они, заговорщики?... Тухачевский – Маршал Советского Союза, остальные – тоже военачальники высочайшего ранга. Но буквально ничего об их жизненном и боевом пути. Изменники, предатели. И все.

Скажу честно: мы мало что толком знали об этих людях! Гражданской войны, собственно, мы не видели. Потом, когда повзрослели, только и слышали: шла гражданская война, была ожесточенная битва с белогвардейцами, с интервентами, все эти победы принадлежат Иосифу Виссарионовичу Сталину. Среди героев Гражданской войны чаще всего называли Ворошилова и Буденного. Распевали песни о них. Знали, конечно, Чапаева, Щорса, Пархоменко. Вот и все... А эти? Они-то что сделали?

Мои коллеги просмотрели массу документов, книг, газет, журналов, пришел в Главную военную прокуратуру и писатель Лев Никулин, разложил на столе свой архив, сказал:

– С «главарем», маршалом Тухачевским, я был знаком. Хорошо знаю весь его жизненный путь...

Коротко, буквально в нескольких словах, о Тухачевском и его «однодельцах».

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТУХАЧЕВСКИЙ: родился в 1893 г., член большевистской партии с апреля 1918 г., командующий армиями и фронтами в годы гражданской войны, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, до 11 мая 1937 г. первый заместитель наркома обороны СССР, а с 11 мая – командующий войсками Приволжского военного округа, 26 мая 1937 г. арестован.

ИОНА ЭММАНУИЛОВИЧ ЯКИР: родился в 1896 г., член большевистской партии с апреля 1917 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1-го ранга.

ИЕРОНИМ ПЕТРОВИЧ УБОРЕВИЧ: родился в 1896 г., член большевистской партии с апреля 1917 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга.

АВГУСТ ИВАНОВИЧ КОРК: родился в 1887 г., член партии с 1927 г., награжден двумя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, начальник Военной Академии имени М. В. Фрунзе, командарм 2-го ранга.

РОБЕРТ ПЕТРОВИЧ ЭЙДЕМАН: родился в 1895 г., член партии с марта 1917 г., награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, член ЦИК СССР, председатель Центрального совета Осоавиахима СССР, комкор.

БОРИС МИРОНОВИЧ ФЕЛЬДМАН: родился в 1890 г., член партии с 1919 г., начальник одного из Главных управлений Красной Армии, комкор.

ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ ПРИМАКОВ: родился в 1897 г., член партии с 1914 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор.

ВИТОВТ КАЗИМИРОВИЧ ПУТНА: родился в 1893 г., член партии с февраля 1917 г., награжден орденами Красного Знамени, военный атташе в Великобритании (по 1936 г.), комкор.

Словом, это были яркие образы настоящих большевиков-ленинцев. Усомниться в преданности этих людей Советской власти, казалось, было совершенно невозможно. Но юристы не могут полагаться на эмоции. Пока же перед нами лежало дело, заключительным документом которого был приговор Специального судебного присутствия, в котором говорилось: все они – враги народа... За справками на арест шли протоколы допросов. В один голос, без каких-либо противоречий все арестованные признали, что занимались вредительством, шпионажем, организовавшись в заговор, ставили своей целью свержение Советской власти.

В итоговом документе – обвинительном заключении – утверждалось:

«Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подготовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Далее к делу была приобщена копия сообщения «В Прокуратуре Союза ССР» (опубликовано в печати 11 июня 1937 г.):

«Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путны В. К. расследованием закончено и передано в суд...»

Вот что сразу обратило на себя внимание: несоответствие дат арестов с датами первых допросов, которые были учинены спустя несколько дней. Не могло же быть так, чтобы арестованных не допрашивали? Предполагали, что допросы велись, но показания не устраивали тех, кто возбудил это дело. Показания, безусловно, были нужны, но какие? Только и только признательные. Получить их надо было любой ценой...

Мы заметили на нескольких страницах протокола серо-бурые пятна... Такие пятна оставляют капли крови... Может быть, это тоже кровь? Проконсультировавшись со специалистами, назначили судебно-химическую экспертизу... Оказалось, действительно кровь.

Все очевиднее становилась необходимость испросить у следователей разъяснений по всем этим вопросам. Но где они, эти следователи? Ведь прошло почти двадцать лет. Сотрудники ГВП занялись их розыском...

* * *

Но вернемся пока к материалам. Вот стенограмма-протокол заседания Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Состоялось оно 11 июня 1937 г. и началось в 9 часов утра.

Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих. Подсудимым разъяснили: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г. Это означало: участие защитника в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит...

Стенограмма состояла всего из нескольких страниц. Это свидетельствовало о примитивности разбирательства со столь тяжкими и многочисленными обвинениями. Да и тот факт, что весь «процесс» длился один день, говорил сам за себя. Пересказать все содержимое стенограммы нет необходимости. Чтобы лучше представить себе, какие показания давали подсудимые по тому или иному пункту обвинений, их сгруппировали. И вот что получилось.

Тухачевский прежде всего заявил: «У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое с Гражданской войны защищал... Что же касается встреч, бесед с представителями немецкого Генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они были, носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащением. Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились...»

Аналогичные показания дали Уборевич, Корк, Фельдман, Якир, Путна. Кроме того, Якир учился в 1929 г. в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии, а Корк некоторое время исполнял обязанности военного атташе в Германии.

Какие же именно виды военной техники или сведения разгласили подсудимые и действительно ли они составляли военную тайну? Ответа в деле не оказалось. Да его тогда и не искали...

Выяснялся на суде и такой вопрос: разделяли ли подсудимые взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформы? На этот вопрос Тухачевский ответил: «Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых».

Это утверждение никем не было опровергнуто. Путна же признал «наличие связей» со Смирновым И. Н., Фельдман – с Пятаковым.

Однако никакой ясности в характер этих связей внесено не было. Суду сообщалось, что эти люди высказались против политики нашей партии и намекали на возможное сотрудничество их оппозиций с военными, но оно не состоялось...

Другое тяжкое обвинение – вредительство по ослаблению мощи Красной Армии. По поводу этого пункта обвинения Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, что да, замедлялись темпы строительства военных объектов, реконструкции железнодорожных узлов, формирования воздушно-десантных частей и т. д. Да, было немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в чем они признавали свою ответственность.

В то же время Тухачевский заявил следующее: «Если бы немного поднажали и дополнительные средства дали, то я считаю, что нет никаких в этом затруднений, наше положение чрезвычайно сильно выиграет и мы польско-германский блок можем поразить».

Как вредительство со стороны Тухачевского и активно поддерживающих его Уборевича и Якира расценивалось их настойчивое отстаивание концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию. С резким осуждением такой концепции выступил на суде С. М. Буденный. И другие члены присутствия задавали подсудимым вопросы, пытаясь изобличить их в предательстве интересов Красной Армии: и Блюхер, и Белов, в особенности Алкснис, добиваясь, например, от Корка ответа на вопрос по поводу передачи сведений представителям немецкого генерального штаба о войсках Московского военного округа. Корк отвечал, что неоднократно встречался с немцами на дипломатических приемах, вел разговоры, но сообщал сведения, которые можно было давать. Ульрих неизменно спрашивал: «Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?» Когда Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич пытались что-то разъяснить, Ульрих обрывал: «Вы не читайте лекций, а давайте показания». Однако подсудимые продолжали утверждать, что они правы, что будущая война будет войной моторов...

Наконец, выяснился вопрос: был ли у подсудимых сговор по поводу отстранения К. Е. Ворошилова от руководства Красной Армией? Тухачевский, Уборевич, Корк, Путьня признали, что разговоры об отстранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительство вопрос о Ворошилове, то «нападать на Ворошилова по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова».

Почему хотели выступить против Ворошилова? Какие ошибки и упущения могли быть поставлены в вину наркому? На суде этого не выясняли. Намерение же подсудимых обратиться в правительство расценили как вынашивание террористических намерений в отношении товарища Ворошилова.

Теперь о «последнем слове» подсудимых. Все они, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину. Просили о снисхождении... Раскаивались, если в чем-то и были виноваты.

«Последнее слово» Примакова оказалось, по сути, обвинительной речью в адрес всех остальных подсудимых. Он заявил:

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один – ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых я завер-

бовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого персонально есть семьи за границей. У Якира – родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича – в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Откровенно говоря, в ГВП были поражены. Что мы знали о Примакове? Родился в бедной крестьянской семье на Украине. В юношеском возрасте включился в борьбу с самодержавием. Испытал пытки в царских застенках, прошел несправедливое судилище, все тяготы ссылки. Отважный кавалерист, командовал славным кавкорпусом Червонных казаков, о котором сложены песни, как о коннице Буденного. Примаков и Буденный соперничали в славе... Немаловажное обстоятельство – Примакова арестовали на год раньше Тухачевского. Все это время с ним «работали». Что же, выходит, подавили за год волю? Стал человек послушным?... На эти пока неясные вопросы нужны были точные ответы.

* * *

К работе Главной военной прокуратуры подключились сотрудники Комитета государственной безопасности, к тому времени значительно обновленного. Совместное расследование углублялось в следующем направлении: а были ли какие-либо материалы до возникновения дела о «военно-фашистском заговоре»?

В одном из старых дел обнаружили показания двух офицеров, служивших в прошлом в царской армии, которые вдохновителем деятельности их антисоветской организации называли... Тухачевского. Оказалось, что копии протоколов этих допросов были препровождены Сталину и доложены ему. Сталин направил их г. К. Орджоникидзе с такой запиской: «Прошу ознакомиться. Поскольку это не исключено, то это возможно».

Следов реагирования Орджоникидзе на эту записку мы не нашли. Но предположили, что Орджоникидзе отнесся к этим заявлениям как к клевете. Он хорошо знал Тухачевского, знал, что тот ни к каким оппозициям не примыкает, постоянно повышается в должностях. Однако тень подозрения все же сохранилась... Еще раньше в Наркомат по военным и морским делам поступила информация секретаря парткома Западного военного округа, в которой Тухачевский обвинялся в неправильном отношении к коммунистам, подчиненным и даже в аморальном поведении. М. В. Фрунзе наложил на информацию резолюцию: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить». Однако донос был сохранен, и наблюдательное производство на Тухачевского, как видим, пополнялось.

В нем хранилась и записка из показаний арестованного комбрига Медведева, исключенного из партии за принадлежность к троцкизму. Медведев заявил, что ему еще в 1931 г., стало «известно» о существовании в центральных управлениях РККА контрреволюционной троцкистской организации.

Это показание Медведев дал 8 мая 1937 г., а 13 мая 1937 г., по указанию наркома внутренних дел Ежова был арестован ближайший соратник Дзержинского Артур Христианович Артузов – один из руководящих работников НКВД. На одном из допросов Артузов «показал», что в 1930-е годы в поступившей из Германии информации сообщалось, что в Красной Армии готовится заговор, возглавляет его генерал Тургуев. Артузов разъяснил следователю, что проведенный тогда же проверкой было выяснено, что под фамилией Тургуев в 1931 г. в Германию ездил Тухачевский. Об этой информации Артузов доложил предшественнику Ежова Ягоде. Тот заявил: «Это несерьезный материал, сдайте его в архив».

Вот об этом-то показании Артузова и доложили Ежову. А дальше события развивались таким образом: Тухачевский был арестован. Одновременно арестовали тех, кого потом отнесли

к числу организаторов «военно-фашистского заговора». В невероятно короткие сроки бригада следователей провела предварительное расследование.

Удалось выяснить, и как в те годы НКВД вообще вело следствие, и, в частности, как оно началось и продолжалось по делу Тухачевского.

Привлеченный в 1950-е годы к ответственности бывший следователь центрального аппарата НКВД Шнейдеман дал такие пояснения:

«Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности такого лица еще до его допроса и потому на допросе стремился любым путем добиться от этого лица признательных показаний».

Просмотрели дело другого осужденного – следователя Радзивиловского. Вот его собственноручные показания:

«Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский и поинтересовался: проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные? Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева, занимавшего большую должность в Генштабе, уволенного из армии и исключенного из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК». Я принял задание к исполнению. Не сразу, конечно, но я добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора и о его руководителях. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано, а его заявление об отказе не фиксировать. Протокол же с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен Ежовым в ЦК. После этого последовали аресты Тухачевского и других заговорщиков... Не пытаюсь полностью снять с себя вину, но хочу, чтобы знали о той обстановке, в которой пришлось работать... Был у нас банкет по поводу награждения большой группы чекистов. Ежов в своем выступлении сказал следующее: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». Иначе я поступать не мог...»

Используя показания Медведева, арестовали Б. М. Фельдмана. Допрашивать его поручили следователю по особо важным делам Ушакову (он же – Ушиминский). В своем объяснении Ушаков позднее писал:

«Арестованный Фельдман категорически отрицал какое-либо участие в каком-либо заговоре, тем более против Ворошилова. Он сослался на то, что Климент Ефремович учил, воспитывал и растил его. Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом крупных командиров. Я понял, что Фельдмана надо связать по заговору с Тухачевским. Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним в кабинете, и к вечеру 19 мая Фельдман написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других».

В том же объяснении Ушаков высказал обвинение в адрес следователя Глебова, который стал сбивать Якира на отказ от показаний.

«Я, – пишет Ушаков, – восстановил Якира. Вернул его к прежним признательным показаниям, а Глебов был отстранен от дальнейшего участия в следствии... Мне дали допрашивать Тухачевского, который уже 26 мая сознался... Я буквально с первых дней работы поставил диагноз о существовании в РККА и флоте военно-троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первым получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилии Закупнева... Я также уверенно шел на Эйдемана и тут также не ошибся...»

Дальше Ушаков перечисляет другие свои «заслуги». А ведь таких следователей-преступников, как Ушаков, оказалось немало... Продолжая поиск, мы вышли на одного, здравствовавшего и преуспевающего в служебной карьере, но работавшего в другой, как говорится, системе. Вызвали для объяснений (не называю его фамилию, поскольку написал он правдивые объяснения). Вот выдержки:

«Примаков сидел как активный троцкист. Потом его дали мне. Я стал добиваться от него показаний о заговоре. Он не давал. Тогда его лично допросил Ежов, и Примаков дал развернутые показания о себе и о всех других организаторах заговора. Перед тем как везти подсудимых на еуд, мы все, принимавшие в следствии участие, получили указание от руководства побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы в суде они подтвердили показания, данные на следствии. Я лично беседовал с Примаковым. Он обещал подтвердить свои показания. Кроме охраны, арестованных сопровождали и мы – следователи. Каждый из подсудимых со своим следователем сидел отдельно от других. Я внушал Примакову, что признание его в суде облегчит его участь. Таково было указание руководства...»

В связи с истечением срока давности этого следователя нельзя было привлечь к уголовной ответственности. Но он был строго наказан: лишен воинского звания генерала и привлечен к партийной ответственности.

* * *

Итак, руководили теми следователями лично Ежов и Фриновский. Оба они, как известно, тоже были арестованы в 1938 г. и осуждены. Вот какие показания они давали в свое время в суде.

Фриновский: «Ежов требовал от меня подбирать таких следователей, которые были бы или полностью связаны с нами или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках... По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знало ли руководство наркомата, то есть я и Ежов? Знали и поощряли. Как реагировали? Я, честно, никак, а Ежов даже это поощрял...»

Ежов не опроверг этого. Он объяснил в суде:

«Порядок рассмотрения дел был до крайности упрощен. Он был проще и в этом смысле даже бесконтрольнее, чем по обычным уголовным делам... Прокуратура СССР не могла, конечно, не замечать всех этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР, и в частности прокурора СССР Вышинского, я объясняю той же боязнью посориться с НКВД и показать себя не менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действие НКВД в правительство...»

Ссылкой на Прокуратуру СССР и на Вышинского Ежов, несомненно, рассчитывал на смягчение своей участи. Что касается «боязни НКВД», то ее ведь насаждал не кто другой, как сам Ежов.

Познакомились мы и с приказом наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г. В приказе сообщалось:

«С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии.

11 июня 1937 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР признало всех подсудимых «виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий; подсудимого Тухачевского – звания Маршал Советского Союза и приговорить всех к высшей мере наказания – расстрелу».

12 июня 1937 г. приговор привели в исполнение.

Спустя четыре дня расстреляли и комбрига Медведева. В его деле, кроме так называемых признательных показаний в том, что он разделял взгляды троцкистов, никаких других «доказательств» не было. А в Военной коллегии, которая под председательством того же Ульриха рассматривала его дело, Медведев вообще виновным себя в контрреволюционных преступлениях не признал. О заговоре в Красной Армии заявил, что вынужденно дал ложные показания. Тем не менее неправосудный приговор был вынесен.

* * *

И все-таки следы прокурорского «надзора» за следствием по делу о военно-фашистском заговоре мы обнаружили. Вот каким оно было по объяснению тогдашнего помощника главного военного прокурора Субоцкого:

«Вышинский предложил участвовать с ним в допросе Тухачевского и других арестованных.... Я сказал, что дела не знал, с ним мне не дали познакомиться. Вышинский ответил: «Допрашивать я буду сам, а вы будете фиксировать».

Допрос всех восьми арестованных длился всего два – два с половиной часа. Показания были предельно краткими: «Признаем, что виновны, жалоб не имеем...» Но ведь жалобы были... Шли они в адрес Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Маленкова. Знакомая с ними, те, к кому обращались арестованные, накладывали на них циничные резолюции. Некоторые из этих фактов были преданы гласности на XXII съезде КПСС.

Новое расследование по делу Тухачевского подходило к концу. На заключительной стадии в ГВП получили отзывы ряда крупных военачальников, приобретших опыт крупных сражений в ходе Великой Отечественной войны.

Они были единодушны в том, что разработанные Тухачевским и его соратниками и отрабатываемые уже в 1930-е годы на маневрах основы ведения крупных боевых операций в условиях «машинной войны» были по достоинству оценены, применены и развиты. Они сожалели, что с осуждением Тухачевского этот процесс укрепления боевой мощи Красной Армии был безусловно замедлен. Вспоминали, что перед самой войной Сталин был вынужден в своем выступлении перед руководящим составом армии признать, что мы недооцениваем роль механизированных и моторизированных армий, допускаем медлительность и ошибки в формировании соединений, оснащенных достаточным количеством танков.

К сожалению, прозрение пришло слишком поздно, и нашему народу пришлось героическими усилиями наверстывать упущенное как в армии, так и в военной промышленности.

Сразу же после раскрытия в РККА «военно-фашистского заговора» во главе с маршалом Тухачевским в центральном аппарате Наркомата обороны, а затем повсеместно в войсках и на флотах развернулась работа по разоблачению участников заговора и причастных к нему лиц.

Это превратилось в широкую кампанию, подогреваемую призывами к повышению политической бдительности. Дело дошло до того, что не могло быть ни одной воинской части, в которой не было бы хоть одного заговорщика. Нетрудно догадаться, каких масштабов достигали репрессии.

В ГВП, естественно, изучили все, что давало возможность узнать побольше о самом «заговоре» в Красной Армии, как осуществлялись практические шаги по его «ликвидации». Только с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров

полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены Военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних учебных заведений. Последствия этой «кампании» для Вооруженных Сил и для страны сказались очень скоро. И они хорошо всем известны.

Вскоре после разгрома гитлеровской Германии на Западе появилось множество книг, в которых на основе захваченных секретных документов рассказывалось о том, как в недрах немецких разведывательных органов были состряпаны документы, предназначенные для того, чтобы скомпрометировать высшее советское военное командование. Эти труды были тоже внимательно изучены.

...Окончательно убедившись, что обвинение Тухачевского и других военачальников в тяжких государственных преступлениях было необоснованным, а осуждение неправомерным, Главная военная прокуратура доложила свое заключение Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко. Вскоре от него последовало указание подготовить протест на постановление Специального судебного присутствия.

31 января 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР по заключению Генерального прокурора отменила приговор от 11 июня 1937 г., делопроизводство прекратила за отсутствием состава преступления, все проходившие по делу об участниках «антисоветской троцкистской военной организации» были полностью реабилитированы. 27 февраля 1957 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил их в партии.

«Правда», 29 апреля 1988 г.

Пауль Карелл

Заговор против Тухачевского

Прошло более 30 лет с тех пор, как Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор участникам так называемой антисоветской троцкистской военной организации во главе с маршалом Тухачевским и все проходившие по этому делу были реабилитированы. Однако и сегодня мы, вглядываясь в прошлое, пытаемся разобраться в событиях, скрытых пресловутыми «белыми пятнами», задаемся снова и снова вопросом: как могло случиться, что накануне самой страшной мировой войны Советский Союз фактически остался без командных кадров? Сегодня мы публикуем отрывки из книги немецкого историка, излагающего распространенные на Западе версии «дела» Тухачевского.

* * *

В апреле 1945 г., когда советские войска вступили в Ораниенбург, Потсдам, Хеннигсдорф и Гросбеерен, падение Берлина было предрешено. Но в 1941 г. немецкие войска тоже стояли у ворот советской столицы и тем не менее потерпели поражение. Почему?

Как русские объясняют «чудо» под Москвой? Их ответ прост: мы победили, потому что обязаны были победить. Мы сражались лучше и были сильнее, потому что большевизм лучше и сильнее всех других систем.

Но как же тогда объяснить победоносное немецкое продвижение вплоть до ворот Москвы? Как объяснить тот факт, что даже Сталин испытывал сомнения относительно возможности удержать Москву?

Никита Хрущев пытался устранить это противоречие на XXII съезде КПСС в Москве в октябре 1961 г. Впрочем, среди военных уже давно ходило объяснение того, почему в первые месяцы войны русские терпели поражение, но официально оно еще никогда не звучало: немцам удалось в 1941 г. подойти к Москве, потому что Сталин лишил офицерский корпус Красной Армии лучших кадров своими безумными репрессиями в 1937–1938 годах, потому что эти казни, аресты и преследования якобы изменивших делу партии командиров почти полностью лишили войска командного состава и дезорганизовали Красную Армию.

Это примечательная версия. Сталина уже обвиняли в том, что своими просчетами он предоставил Гитлеру преимущество внезапного удара, теперь на него возлагали ответственность за поражения первых месяцев войны. Имеются ли тому веские исторические доказательства?

Согласно надежным сведениям, Сталин в ходе репрессий 1937–1938 годов уничтожил до 35 тысяч командиров Красной Армии. Поэтому изложенная выше версия вполне реальна. Если ликвидировать своих маршалов, генералов и офицеров, то не следует затем удивляться, что армия утратит боеспособность.

Устранить офицера Генерального штаба – все равно что свалить дерево: требуется в среднем от 8 до 10 лет, чтобы подготовить майора Генштаба, который мог бы организовать снабжение дивизии или руководить ее боевыми действиями. Но по приказу Сталина была ликвидирована или брошена в тюрьмы почти половина офицеров Генерального штаба Красной Армии.

Но почему диктатор подверг почти половину офицерского корпуса Красной Армии репрессиям? Почему он приказал палачам ликвидировать до 80 % высшего офицерского состава? Почему 3 из 5 маршалов, 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 командиров дивизий, 220 из 406 комбригов, а также все командующие военными округами должны были погибнуть от пули агентов НКВД?

Сенсационный ответ Хрущева на XXII съезде КПСС гласил: десятки тысяч офицеров, подвергшихся репрессиям по обвинению в государственной измене и антипартийной деятельности, были ни в чем не повинными людьми, ни один из них не был врагом народа и партии, не пытался свергнуть правительство и не состоял на службе у немецкой разведки, как это утверждал Сталин. Нет, «дело офицеров» было подстроено Гитлером. Через свою разведывательную службу он подбросил Сталину сфабрикованные документы – «доказательства» заговора, возглавляемого маршалом Тухачевским и другими видными военными руководителями, а также их сотрудничества с вермахтом. Хрущев заявил:

«Здесь с чувством боли говорили о многих видных партийных и государственных деятелях, которые безвинно погибли. Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеман и другие. Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и Уборевич, они были видными полководцами. А позже были репрессированы Блюхер и другие видные военачальники.

Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены.

Было уничтожено и много замечательных политических работников Красной Армии».

Хотя как премьер и политический лидер Хрущев имел в своем распоряжении все архивы и документы, он не привел никаких доказательств в поддержку своего заявления, сославшись лишь на зарубежную печать.

Тайные нити зловещей интриги

Несомненно, несмотря на свой сенсационный характер, его заявление не является чем-то новым.

В 1950-х и 1960-х годах сведения об этой сенсационной истории неоднократно появлялись в печати. Президент Чехословакии Бенеш, умерший в 1948 г., и Уинстон Черчилль упоминают о ней в своих мемуарах, так же как и двое из руководящих сотрудников секретной службы безопасности Гиммлера: Вильгельм Хеттль (он же Вальтер Хаген) и Вальтер Шелленберг. Эти отрывочные сведения, а также достойные доверия информации немецких и чехословацких дипломатов, датируемые 1936 и 1937 годами, складываются в единую картину, дающую представление о зловещей игре в духе Маккиавелли, перенесенной в наш век. Эта интрига, вероятно, не столь проста, как изложил ее Хрущев или как ее преподносили Бенеш и Черчилль и подручные Гиммлера.

У. Черчилль в своих мемуарах писал: «Отношения между Советской Россией и Чехословакией как государством и лично с президентом Бенешем носили характер доверительной и прочной дружбы. Корни ее лежали как в известной национальной близости, так и в сравнительно недавних событиях, заслуживающих краткого упоминания. Когда президент Бенеш посетил меня в Марракеше в январе 1944 г., он рассказал, что в 1935 г. Гитлер сделал ему предложение, что будет при любых обстоятельствах уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантию, что Чехословакия останется нейтральной в случае германо-французской войны.

Когда Бенеш сослался на обязательства по франко-чехословацкому договору, немецкий посол ответил, что необходимости денонсировать договор нет. Достаточно не выполнить его, если и когда наступит время, – достаточно не проводить мобилизацию и не начинать военные действия.

Маленькая республика не могла позволить себе роскошь возмутиться подобным предложением.

Поэтому Чехословакия уклонилась от ответа и предпочла отмолчаться. Осенью 1936 года Бенешу из высокопоставленного военного источника в Германии передали сообщение, что если он хочет воспользоваться предложением Гитлера, то должен спешить, потому что в скором времени в России произойдут события, которые сделают несущественной его возможную помощь Германии.

Пока Бенеш размышлял над этим тревожным намеком, он узнал, что через советское посольство в Праге ведется обмен сообщениями между важными лицами в России и немецким правительством. Это была часть так называемого заговора военных и старой коммунистической гвардии с целью свергнуть Сталина и создать новое правительство, проводящее прогерманскую политику. Бенеш немедленно сообщил все, что он мог узнать, Сталину».

Несомненно, однако, что тайные нити этой интриги заслуживают того, чтобы разобраться в них. В конце концов, дело Тухачевского было одним из наиболее драматических событий современной истории и имело роковые последствия.

В этой драме участвовали многие лица... Гиммлер и Гейдрих появились лишь в финальном акте, который начался в середине декабря 1936 г.

16 декабря в Париже бывший царский генерал Скоблин передал представителю немецкой разведывательной службы два сообщения.

Первое: командование Красной Армии готовит заговор против Сталина. Во главе заговора стоит маршал Тухачевский.

Второе: Тухачевский и его ближайшие соратники находятся в контакте с ведущими генералами немецкого верховного командования и немецкой разведывательной службы.

Это было сенсационным сообщением. Названный в качестве руководителя заговора человек был первым заместителем наркома обороны, бывшим начальником Штаба РККА, маршалом, одним из самых способных и выдающихся военачальников Советского Союза. Родившийся в дворянской семье, выпускник царской академии, участник Первой мировой войны, Михаил Тухачевский после революции перешел на сторону Советской власти. В 1920 г. командовал фронтом и нанес поражение войскам генерала Деникина. Тухачевский символизировал собой набирающую мощь Красную Армию. Он был широко известен как один из прославленных героев гражданской войны, спасителей Красной революции.

Гейдрих, расчетливый холодный человек, мастер политических интриг, мгновенно оценил возможности полученной из Парижа информации. Если донесение Скоблина было достоверным, то Советский Союз мог превратиться в военную диктатуру во главе с исключительно способным организатором и стратегом, «красным Наполеоном». Едва ли это отвечало бы интересам гитлеровской Германии.

Сфабрикованное досье

Нет никакого сомнения, что Гейдрих тут же обсудил эту информацию с Гитлером и убедился в том, что фюрер с ним согласен. В этих обстоятельствах не было ничего более естественного, чем позволить «информации из Парижа» попасть в руки Сталина и тем самым передать наиболее способного советского военачальника вместе с его сторонниками в руки следственных органов.

Правда, Янке, сотрудник аппарата Гейдриха, был против. Скоблин, указывал он, имел контакты с советскими спецслужбами, и, следовательно, нельзя исключать, что Кремль сам подбросил эти сведения царскому генералу в Париже. С какой целью? Ну, например, для того, чтобы заставить Гитлера подозревать собственных генералов. Или для того, чтобы заманить немецкую разведку в ловушку и подтолкнуть руководство Германии к принятию ошибочных решений...

Но Гейдрих посадил Янке под домашний арест и приступил к реализации своего плана. По его указанию секретная служба предприняла ряд шагов, свидетельствовавших о его даре плести интриги. С холодной улыбкой он поучал своего приятеля штандартенфюрера СС Беренса: «Даже если Сталин хотел просто ввести нас в заблуждение этой информацией Скоблина, я снабжу дядюшку в Кремле достаточными доказательствами того, что его ложь — это чистая правда».

Он приказал своим агентам тайно проникнуть в секретные архивы верховного командования вермахта и изъять досье Тухачевского. В этом досье хранились документы «Спецотдела К», закамouflированной организации рейхсвера, которая существовала в период 1923–1933 годов под названием Ассоциация содействия торговому предпринимательству и имела дела с Россией. Она входила в состав управления вооружений и занималась вопросами производства оружия и боеприпасов, запрещенных Версальским договором.

Германия проиграла в Первой мировой войне. Но и Россия не была среди победивших держав. Как и ее бывший противник Германия, она находилась в изоляции от остального мира, хотя и по другой причине: Октябрьская революция и создание коммунистического Советского государства дали стимул образованию коалиции капиталистических стран с целью свергнуть большевиков — сначала путем военной интервенции, потом — экономического давления.

Общая оппозиция по отношению к западным державам послужила для двух стран причиной альянса. Логично, что начался он с экономической области; и его первым результатом стал Рапальский договор. Хотя иногда говорят, что он содержал ряд секретных статей военного характера, это не соответствует действительности. Однако логическим развитием отношений было заключение дальнейших соглашений.

Что касается военной области, то Советы были заинтересованы, чтобы с пользой для своих молодых вооруженных сил использовать опыт германских офицеров, а также с германской помощью перестроить порядком устаревшую военную промышленность. Со своей стороны, рейхсвер нуждался в новых вооружениях и в территории для их испытаний.

Изъятое теперь досье «Спецотдела К» содержало записи бесед между немецкими офицерами и представителями советского командования, в том числе Тухачевским, который в 1925–1928 годах был начальником Штаба РККА. (Во время процесса над ним в 1937 г. Михаил Николаевич Тухачевский говорил: «...Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они были, носили официальный характер... Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились». — *Ред.*)

Гейдрих приказал фальсифицировать это досье: в записи бесед и переписку были включены дополнительные фразы, добавлены новые письма и ноты, так что в конце получилось

солидное досье с «подлинными» документами и печатями, вполне убедительное, чтобы передать любого генерала в любой стране в руки военного трибунала по обвинению в государственной измене.

В подвалах гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе Гейдрих с одобрением изучил работу своих специалистов. Первая часть операции была завершена. Следующий шаг – как сделать, чтобы досье попало к Сталину?

Подделать и придать ему достоверный вид – не особенно трудная задача для экспертов любой разведывательной службы. Но доставить этот документ по нужному адресу, не вызвав подозрений, – вот настоящая проблема, особенно если адресат – Иосиф Сталин. Но Гейдрих решил эту задачу.

В 1936 г. министерство иностранных дел Германии через чехословацкого посланника в Берлине время от времени пыталось выяснить позицию Чехословакии на случай войны между Германией и Францией.

Этим и решил воспользоваться Гейдрих. В конце января 1937 г. (об этом пишет в своих мемуарах Бенеш) чехословацкий посланник в Берлине Маетны направил в Прагу зашифрованную телеграмму, в которой сообщил, что бывший с ним в контакте немецкий дипломат, к его крайнему удивлению, внезапно утратил интерес к предмету их бесед. Из отдельных высказываний и намеков дипломата Маетны понял, что немцы поддерживают контакт с некой антисталинской группировкой в Красной Армии, Берлин явно ожидает смену правительства в Москве, которая приведет к изменению расстановки сил в Европе в пользу нацистской Германии.

Президент Бенеш серьезно встревожился перспективой утраты поддержки Советского Союза против Германии. Чехословакия с ее взрывоопасной проблемой судетских немцев была продуктом Версальского договора, ликвидацию которого Гитлер провозгласил в качестве своей цели. Если бы Россия оказалась на его стороне, ему ничто не смогло бы помешать.

Бенеш, естественно, сразу же пригласил к себе советского посла в Праге С. Александровского и ознакомил его с содержанием сообщения Маетны: заговор генералов против Сталина. К нему причастны Гитлер и немецкие генералы.

Посол, внимательно выслушав это сообщение, спешно вернулся в посольство и сразу же вылетел в Москву. Информация, подброшенная Гейдрихом, попала к адресату.

Но Гейдрих был предусмотрителен. Он не ограничился «почтальоном» в Праге, но действовал, исходя из здравого принципа, что стоящее дело заслуживает того, чтобы его сделать хорошо. Поэтому он подкрепил свой ход в Праге ходом в Париже.

Второй акт драмы

На дипломатическом приеме в Париже через два-три дня после беседы между Бенешем и Александровским Эдуард Даладье любезно взял под руку советского посла Владимира Потемкина и отвел его к нише у окна. Быстро оглянувшись, чтобы убедиться, не подслушивает ли их кто-нибудь, Даладье с тревогой в голосе сказал Потемкину, что Франция обеспокоена. Имеются сведения о возможной перемене политического курса в Москве. Ходят слухи о договоренности между нацистским вермахтом и Красной Армией. Не может ли Его Превосходительство рассеять эти тревоги? Лицо Потемкина оставалось невозмутимым. Отделавшись несколькими ничего не значащими фразами, он через десять минут покинул прием, вернулся в посольство и направил срочную шифровку в Москву, содержащую информацию о беседе с Даладье.

Как Гейдриху удалось подsunуть эту информацию Даладье, сейчас уже невозможно установить точно. Вероятнее всего, у немцев был контакт с агентом Второго бюро— французской разведывательной службы— во французском посольстве в Москве.

После этих подготовительных шагов Гейдрих инсценировал второй акт драмы. Он направил своего особо доверенного представителя штандартенфюрера СС Беренса в Прагу, где тот вступил в контакт с личным представителем президента Чехословакии и сообщил ему о существовании документов, содержащих улики против Тухачевского.

Узнав об этом, Бенеш тут же информировал Сталина. Вскоре посредник Бенеша предложил представителю Гейдриха вступить в контакт с сотрудником (Советского посольства в Берлине по фамилии Израилович. Такая встреча состоялась. Человек Гейдриха показал два подлинных письма из фальсифицированного досье. Израилович, как принято, прикинулся равнодушным. Он поинтересовался стоимостью досье. Беренс пожал плечами. Израилович обещал через неделю встретиться с ним и с уполномоченным лицом...

Повторная встреча состоялась. «Уполномоченным лицом» оказался представитель Ежова, шефа советской секретной службы (наркома внутренних дел. — *Ред.*). Он тоже спросил, сколько стоит досье. Чтобы у русских не возникло подозрений, Гейдрих приказал назвать фантастическую сумму в 3 миллиона рублей. «Но если они будут настаивать, вы можете сбавить цену»... — предупредил он Беренса.

Однако торговаться не пришлось. Представитель Ежова после беглого ознакомления с документами молча кивнул головой, когда Беренс назвал сумму. Ни за один план военных операций, ни за какую измену или предательство в истории секретных служб никогда не платили такую высокую цену.

(В своих мемуарах один из ведущих руководителей нацистской разведывательной службы В. Шелленберг, рассказывая об этой тайной операции, приводит некоторые дополнительные подробности. В частности, он указывает, что, передавая Гитлеру полученную от Скоблева информацию, Гейдрих включил в нее выдуманные им сведения, компрометирующие немецких генералов. Дав согласие на проведение этой тайной операции против Тухачевского, Гитлер категорически запретил посвящать в нее немецкий генеральный штаб. Помимо архивов генштаба, посланные Гейдрихом агенты тайно выкрали ряд компрометирующих документов из досье абвера. Чтобы скрыть кражу, был устроен пожар, который мог замести следы. По словам Шелленберга, ему пришлось «лично уничтожить почти все деньги, полученные от русских за досье, поскольку они состояли из крупных купюр, номера которых, очевидно, были заранее переписаны ГПУ. Как только кто-нибудь из наших агентов пытался воспользоваться этими деньгами в Советском Союзе, его в скором времени арестовывали».)

Спустя три недели, 11 июня 1937 г., потрясенный мир узнал из сообщения, переданного советским телеграфным агентством (ТАСС), что маршал Тухачевский и семь других видных генералов были приговорены к смертной казни Верховным Судом СССР.

В сообщении указывалось, что осужденные были виновны в нарушении своего воинского долга, воинской присяги и в измене Советскому Союзу в интересах иностранного государства.

В официальном сообщении приводились следующие подробности:

«Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б., в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты с целью подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Армии, готовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Казнь Тухачевского и приказ по армии наркома обороны Ворошилова, фактически призывавший к доносу, вызвали лавину, от которой нельзя было найти защиту. Любому наказанному солдат, любому недовольному подчиненному мог свести счеты с неугодным офицером, донес на него. И каждый, кого осуждали, тянул своих близких, друзей, знакомых за собой навстречу тяжелой судьбе... В течение года офицерский корпус Красной Армии сократился наполовину, а его верхушка была ликвидирована почти полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.